

Сыма Вэйхоу в упор посмотрел на Ин Сыиня. Тот лишь лениво вскинул бровь.

— Тоже хочешь составить компанию и прогуляться до Юйчжоу? — осведомился хоу.

— Я пришёл к вам на службу в шесть лет, — отрезал Сыма Вэйхоу. — И о чём я думаю, чего желаю — вы не можете не знать.

Ин Сыинь промолчал. Он явно хотел что-то сказать, но слова застряли в горле.

— Сейчас самый подходящий момент, — продолжал Сыма Вэйхоу. — Убейте Ин Цзинвэня, и мы отправимся в Имперскую столицу. Вы взойдёте на трон.

Ин Сыинь лишь отмахнулся и усмехнулся:

— Вэйхоу, я ведь ещё шесть лет назад сказал: всё закончилось в тот день, когда я покинул Имперскую столицу. Наша связь с Цзинвэнем оборвалась. А то, что уже подарено, назад не забирают. Разве есть смысл в раскаянии?

— Вы считаете, что чувства исчерпаны, — возразил Сыма Вэйхоу, — но уверены ли вы, что Его Величество думает так же? Вы гарантируете, что он останется под вашим контролем и не шелохнётся? Неужели вы не понимаете: преданность императора вам испарилась в тот самый миг, когда в нём проснулись амбиции? Он хочет вашей смерти. Неужели вы и впрямь верите, что он приехал в Цзибэй только потому, что соскучился?

— Я знаю, что у него на уме, — спокойно ответил Ин Сыинь. — Я не дурак.

— Раз не дурак, почему позволяешь всему этому происходить на твоих глазах?

— Он не сможет мне навредить. Ты что, даже в это не веришь?

— Я просто хочу, чтобы мой господин получил больше, — глухо отозвался Сыма Вэйхоу.

Ин Сыинь постучал пальцами по столу.

— Забудь. Имперская столица никогда мне особо не нравилась. Разве сейчас плохо? Я вольный хоу в Цзибэе, живу в своё удовольствие. Если тебе так приглянулось то кресло, обещаю: когда Ин Цзинвэнь испустит дух, я сам помогу тебе на него усесться.

— Ну уж нет, — фыркнул Сыма Вэйхоу, задрав нос. — Я моложе вас. Когда император умрёт, сколько вам самому останется?

Хоть они и звались «четвёртым братом» и «седьмым», родились они в один год — Ин Сыинь был младше императора всего на пять месяцев.

— Больше ни слова о троне, — отрезал он. — Любовь, страсть, прошлое или будущее — неважно. Что я отдал, того не воротишь.

Сыма Вэйхоу, понимая, что спорить бесполезно, уселся за стол и недовольно засопел.

— Ладно. Значит, в Юйчжоу вы едете только для того, чтобы составить Шэнь Цинханю компанию за поеданием лепёшек? И больше никаких дел? Даже к Клану Линь из Юйчжоу не заглянете?

— Цинхань так хорош собой, — мечтательно протянул Ин Сыинь. — На него можно смотреть целыми днями, месяцами, годами — и не надоест. Проветриться тоже полезно, кости разомну в пути. Пусть он ест свои лепёшки, а я буду лакомиться им.

—...

— Ха-ха-ха!

Сыма Вэйхоу передёрнуло.

— Цзэсяо прав, — пробормотал он. — Вы окончательно сошли с ума.

— Оставляю Цзинвэня на ваше попечение, — добавил хоу. — Расстанемся по-хорошему. Я чист перед своим прошлым и перед самим собой.

Сыма Вэйхоу приехал, чтобы призвать господина к ответу, но в итоге ни о чём не договорился. Ему оставалось лишь смотреть, как Ин Сыинь увозит своего милашку «кушать лепёшки».

Когда вызвали Гу Цзэсяо, тот в отчаянии вцепился в шею коня и закричал:

— Господин хоу, неужели вы не можете поехать один?! Обязательно меня тащить? Мой «Громовержец» такой тяжёлый, спина отвалится его таскать! Я хочу в Цзибэе развлекаться, я вообще не хочу никуда уезжать!

— Если ты не поедешь, — парировал Ин Сыинь, — кто будет подавать Цинханю чай?

— Так возьмите служанку или раба! — взвыл Цзэсяо. — В поместье хоу Цзибэя только у меня руки из нужного места растут?!

— Цинхань молчалив, — мягко пояснил Ин Сыинь. — Но я заметил, что с тобой он перекидывается парой слов. Будешь рядом: если я притомлюсь и захочу вздремнуть, хоть развлечёшь его, чтобы он не скучал.

Гу Цзэсяо чуть не разрыдался:

— Хоу, вы меня совсем не любите?

Затем добавил убитым голосом:

— Господин, вы сами-то слышите, что несёте? Это вообще человеческая речь?

Садясь в седло, он обречённо прошептал:

— Вы истинный демон, господин хоу.

Ин Сыинь всю дорогу загадочно улыбался. Люди в поместье знали: этот взгляд означал «заткнись», «моё терпение не безгранично» и «раз я сказал — едешь, значит, едешь».

Когда всхлипывающий Цзэсяо наконец устроился на коне, Ин Сыинь удовлетворённо кивнул. Слуга тут же предупредительно откинул полог кареты. Едва хоу устроился внутри, Шэнь Цинхань спросил:

— Ты не взял меч?

Ин Сыинь глянул на свой пустой пояс и пожал плечами:

— Я шесть лет не ношу оружия. Отвык.

— В Поднебесной полно желающих тебя прикончить, — заметил Цинхань. — Если встретим врага, с которым не справимся, что будешь делать?

— Кто-то хочет меня убить? — Ин Сыинь искренне удивился. — У кого ж хватит смелости?

— У меня.

Сказано это было почти как шутка, но сталь меча сверкнула в тот же миг. В тесном пространстве кареты они сидели совсем рядом. Ин Сыинь действительно расслабился и не ждал нападения. Клинок не источал холода — Цинхань не задействовал внутреннюю силу, полагаясь лишь на скорость. Одно быстрое движение — и голова хоу могла слететь с плеч.

Но...

— В такой тесноте не стоит затевать подобные игры, — Ин Сыинь одной рукой перехватил запястье юноши, а другой резко надавил на локоть. Клинок мгновенно сменил направление и замер у самого горла Шэнь Цинханя. — Хотя я и справлюсь с твоими неумелыми приемами, но я боюсь ненароком тебя поранить.

Цинхань почувствовал, как вокруг лезвия, коснувшегося его кожи, заструилась мощная, подавляющая волна чужой энергии. Ин Сыинь отпустил его руку и дождался, пока тот сядет на место.

— Оружие не знает жалости, — добавил хоу.

— Вы слишком напряжены, господин хоу, — отозвался Шэнь Цинхань. — Я лишь хотел проверить, насколько быстро нужно обнажить меч, чтобы убить вас.

Ин Сыинь не рассердился. Напротив, он приоткрыл занавеску и выглянул наружу.

— Я уже говорил: выучи все техники в Павильоне Хранения Книг, и тогда убьёшь меня без всякого труда.

Цинхань промолчал.

— Побудь со мной шесть лет, — вдруг негромко произнёс хоу. — Через шесть лет я сам отдам тебе свою жизнь.

— Шесть лет? Почему? — не выдержал юноша.

Ин Сыинь обернулся и мягко улыбнулся:

— В этой жизни я уже достаточно пожил для себя. Хочется узнать, каково это — по-настоящему любить другого. Три года — слишком мало, десять — чересчур. Шесть лет — в самый раз.

За плечами были двадцать лет безумной, болезненной связи с Ин Цзинвэнем. Теперь же он хотел просто любить — спокойно, без надрыва. И Шэнь Цинхань, такой ослепительно красивый, подходил на эту роль идеально. Ин Сыинь считал, что заслужил право напоследок насладиться этим чувством.

— Ты собираешься тратить шесть лет на то, чтобы любить меня? — с сомнением переспросил Цинхань.

— Да. Шесть лет любви. А когда сердце пресытится, я сам вырву его и отдам тебе.

— Можно я сам его вырву?

Ин Сыинь на мгновение замер, а затем расхохотался:

— Ха-ха-ха! Можно, конечно можно! Я и забыл, что между нами кровная месть.

Он убил так много людей, что подобные «мелочи» порой просто вылетали из головы.

Шэнь Цинхань хотел было отодвинуться подальше, но Ин Сыинь властным жестом притянул его к себе. Хоу откинулся назад и бесцеремонно устроил голову на коленях юноши.

— Устал, — выдохнул он, закрывая глаза. — Посплю немного.

— Твоя голова тяжёлая, — буркнул Цинхань. — Ноги затекут.

— Цинхань, у меня есть только шесть лет, чтобы любить тебя. Побудь со мной это время, и моя жизнь — твоя.

Это казалось самым простым способом избавиться от Ин Сыиня. Шэнь Цинхань замер — он не мог ни оттолкнуть его, ни коснуться.

— И не балуйся, пока я сплю, — добавил хоу. — Места здесь мало, если я среагирую во сне — не смогу сдержаться.

В карете воцарилась тишина. Спустя долгое время пальцы Цинханя всё же коснулись макушки хоу.

— Хорошо, — едва слышно ответил он.

Путь от Цзибэя до Юйчжоу лежал через Имперскую столицу, и дорога должна была занять не меньше полумесяца. Гу Цзэсяо именно поэтому и упирался всеми конечностями: одно дело — ехать за сокровищами или на славную битву, и совсем другое — тащиться в такую даль ради какой-то лепёшки.

В голове не опилки, случаем?

К ночи они оказались в глухом лесу. Луну наглухо закрыли тучи, звёзд не было видно, и понять, где север, а где юг, стало невозможно. Гу Цзэсяо долго хмурился, вглядываясь в темноту, и наконец предложил:

— Давайте заночуем здесь. Впотымах свернём не туда, потом полдня возвращаться будем.

Все дружно согласились. Даже самые крепкие бойцы вымотались за день. Но стоило людям начать спешиваться, как спереди раздался топот копыт.

— Молодой господин Гу! — крикнул юноша-посыльный. — Там впереди постоянный двор! Старый совсем, но крыша над головой есть. Хоть на камнях спать не придётся.

Цзэся воодушевился.

— Постоялый двор? Большой?

— Да не особо, — ответил посыльный. — Хоу с господином Шэнем комнату займут, а мы уж как-нибудь вповалку на полу перекантуемся. Всё лучше, чем комаров в лесу кормить.

— И то верно, — поддакнул другой спутник. — Хоу весь день проспал, верно, занемог. В карете тряско, на досках особо не отдохнёшь. С господином Шэнем в тепле им ловчее будет.

— Ну чего стоим? — скомандовал Цзэся. — Вперёд! Эй, Гоуцзы, далеко ещё?

— Да нет, пару шагов буквально!

Ин Сыинь проснулся и негромко откашлялся. Открыв глаза, он увидел Шэнь Цинханя: тот сидел, прислонившись к стенке, и мерно посапывал, уронив голову на грудь. В тусклом свете он казался ещё прекраснее. Тонкая прядь волос упала ему на лицо. Он потянулся, чтобы убрать её за ухо, но коснувшись пальцами нежной кожи щеки, не удержался — подался вперёд и впился в его губы.

«И не балуйся, пока я сплю, места здесь мало, если я среагирую во сне — не смогу сдержаться» — похоже, он напрочь об этом забыл.

Поражённый Цинхань проснулся мгновенно. Он попытался оттолкнуть хоу, но тот был сильнее: Ин Сыинь перехватил его руки и, схватив за плечи, навалился всем телом, вжимая в заднюю стенку кареты. Казалось, он решил предаться страсти прямо здесь и сейчас.

Шэнь Цинхань в ужасе распахнул глаза, желая напомнить, что они не в спальне, а в карете, но его спина с глухим стуком ударилась о твёрдое дерево.

— Ах... — Цинхань невольно охнул от боли.

Этот звук заставил Ин Сыиня хоть немного прийти в себя. Он поспешно прижал юношу к

груди, ощупывая его спину, проверяя, не повреждён ли позвоночник.

— Сильно ударился? — встревоженно спросил он.

— Ты с ума сошёл?

Ин Сыинь виновато улыбнулся и погладил его по голове:

— Прости. Мой Цинхань так хорош, что я теряю голову. Ничего не могу с собой поделать.

Цинхань попытался оттолкнуть его, но безуспешно.

— Пусти. Спина болит.

Хоу принялся осторожно растирать ушибленное место.

— Тяжёлая рука у твоего господина. Прости меня.

— От твоих извинений боль не пройдёт.

— И что мне сделать? — усмехнулся Ин Сыинь. — Хочешь, тоже швырни меня об стену?

— Можно мне делать всё, что захочу?

— Всё, на что я способен.

— Тогда, — прищурился Шэнь Цинхань, — я хочу хоть раз оказаться сверху и взять тебя.

Ин Сыинь замолчал.

<http://bllate.org/book/17523/1659590>